

УДК: 728.03 (510)

© В. И. Лучкова, 2012

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЙСКОГО ГОРОДА

Лучкова В. И. – канд. арх., доцент, декан ФАД, тел.: 76-17-36, +79147716496, e-mail: luch@mail.khstu.ru (ТОГУ)

Выполнен анализ проблем современной истории китайской архитектуры. Своеобразие пространственного формирования исторического китайского города основано на оригинальном ключевом элементе, так называемом китайском четырехугольнике. Рассмотрены варианты наращивания четырехугольников, способы расширения городской структуры. Описана особая роль осевой симметрии в создании крупных ансамблей и роль срединности в размещении главных элементов. Общие принципы формирования пространственной структуры рассмотрены на уровне поселения, центральной части города, жилого квартала, монастыря, некрополя и жилой усадьбы.

The paper analyzed the problems of the modern history of Chinese architecture. The originality of the spatial formation of historical Chinese city is based on the original core element, the so-called Chinese. The variants of building up quadrangles, ways of urban structure expansion are considered. The special role of axial symmetry in the creation of large ensembles, and the role of the median in the distribution of the main elements are described. General principles of pattern formation are discussed, as an example, at the settlement, the city center, residential area, the monastery cemetery and residential estates level.

Ключевые слова: китайский четырехугольник, городская структура, ось, симметрия, история средневековья, срединность, расширение, цзянь, сыхэюань.

История архитектуры и градостроительства Китая изучена намного меньше, чем другие стороны искусства и культуры. Это связано с рядом причин. Во-первых, недвижимость архитектурного памятника как такового и, одновременно, длительная закрытость Китая для иностранцев, вплоть до 90-х лет прошлого века. Во-вторых, принципиальные отличия создания архитектурно-планировочной среды дальневосточного города от общепринятых правил. Может быть, самой сложной проблемой в исследовании истории градостроительства и архитектуры Китая для иностранцев является то, что создание зданий и поселений на Дальнем Востоке происходило по другой схеме, чем в западной культуре, что в первую очередь связано с особым мировоззрением. Иерогли-

фичность мышления привела к тесной взаимосвязи с такими «не архитектурными и не градостроительными» видами как литература, поэзия и т.д. Особая значимость пространства и размещения в нем, привела к появлению уникального нормативного направления – китайской геомантии (фэншуй). Кроме того на Западе и Востоке в средневековье сам процесс проектирования и строительства как поселения так и деревянного каркасного здания серьезно отличались друг от друга. В силу особенностей развития восточного города, такая необычная схема сохранялась до конца XIX века. Все это значительно усложнило изучение архитектурной истории города для российских и западных исследователей. И, в-третьих, начало активного изучения истории архитектуры и градостроительства в самом Китае произошло лишь в 80-е годы прошлого века, тогда же появились принципиально новые и значительные достижения археологии. Профессиональным изучением истории национальной архитектуры и тем более градостроительства в самом Китае стали заниматься сравнительно недавно, с конца 20-х лет XX века, когда страна испытывала не самые лучшие времена. Последующая оккупация и борьба за освобождение (1931-1947), а также «культурная революция» (1966-1976) не стимулировали изучение старины [1]. Массово эта история стала изучаться после издания на английском языке в 1984 г. главного труда (Иллюстрированная история китайской архитектуры) первого национального историка архитектуры Лян Сычэна (1901-1972) и перевода ее на китайский язык в 2001 [2]. Однако сегодня это изучение хоть и ведется многими учеными, но в основном поэлементно, что является традиционным для этой страны, как и других стран этого региона [3]. Комплексные вопросы, характерные для российской историко-архитектурной школы, до сих пор почти не рассматриваются. Если посмотреть российские и другие не китайские монографии или энциклопедические издания по истории архитектуры и градостроительства, то практически везде раздел по архитектуре и градостроительству Китая представлен значительно меньше, чем других крупных исторических стран (за исключением, может быть самых последних изданий по истории градостроительства в Японии). Наименее освещенными являются вопросы архитектурно-планировочной и композиционно-пространственной структуры города, а также архитектурно-градостроительной эволюции жилищ, хотя в действительности типология китайского жилища и видов поселений очень обширна. Практически отсутствует комплексная систематизация и эволюционный анализ ансамблей традиционных средневековых китайских поселений.

Таким образом, для уточнения внутренней логики науки, восполнения недостающих знаний, для понимания исторического развития мировой культуры и архитектуры как длительного и непрерывного процесса представляется необходимым сегодняшнее изучение архитектурно-градостроительной истории Китая. А также для того, чтобы в российской синологической школе вопросы пространственного развития китайского города вышли на уровень, сопоставимый с другими разделами китаеведения.

Формирование пространственной структуры города напрямую зависит от особенностей менталитета его общества. В традиционной китайской ми-

фологии, космологии, философии и идеологии, развивавшейся вначале до, а потом вместе с конфуцианством, даосизмом и буддизмом важными положениями, перетекающими и связанными друг с другом являются понятия Большой Триады, Долгого пути, энергии Ци, а также концепция Инь-Янь, наложенные на иероглифичность мышления и общую толерантность. Кроме этого, практически всю историю страны пронизывает концепция срединности как высшей формы бытия, золотой середины как наиболее совершенной формы существования всего и вся в китайском обществе.

Эти и некоторые другие основные идеи нашли свое воплощение, как в основных правилах создания китайского здания, так и в композиции китайского города. Из них вышли принципы базового элемента – цзянь и первоструктуры – сыхэюань (включая упрощенный вариант саньхэюань), пяти главных элементов китайского четырехугольника (сихэюаня) и их вертикального (продольного) и горизонтального (поперечного) расширения-роста. Они лежат в основе теорий срединного выбора главного элемента городской структуры и осевой симметрии, а также концепции квадратных городов с двойными или тройными рядами стен.

Механизмы формирования и трансформации пространства китайских городов были очень устойчивы и эволюционно изменялись на протяжении тысячелетий. Может быть, наиболее динамичные изменения происходили на территории позднего царства Цинь династии Восточное Чжоу на протяжении IV – конца III века до РХ, а следом в краткий период первой китайской империи Цинь (221–206 до РХ). Появление разных типов зданий, создание оригинальной капители, применение асимметрии в объемно-пространственной структуре дворца, создание грандиозной модели всей империи в мавзолее нового типа и мегапроекта Стены – все эти новшества появились за очень короткий по древнекитайским меркам срок. Во все остальные времена развитие шло постепенно, без революционных перемен, даже при очень трагичных и переломных событиях длительной истории государства [4]. Такой эволюционизм во многом был связан с универсальностью первоэлементов городской среды, жизнеспособностью модели китайского идеального города и достаточно гибкими возможностями сжатия и роста городской территории.

Самым необычным элементом городской структуры для европейца является цзянь – пространство между двумя колонно-стропильными секциями, каждая из которых образована четырьмя или шестью столбами, на которых держится крыша комнаты – павильона. Это пространство в проектировании как объемной, так и пространственно-планировочной структуры является единицей отсчета. Самый простой павильон состоит из одного цзяня, но обычно их число в жилых зданиях зависит от социальной стратификации и составляет три или пять. Из четырех таких сооружений, размещенных по сторонам света, собирается самый начальный блок с двором посередине – простой китайский четырехугольник сыхэюань (в упрощенной форме саньхэюань, в которой в южной входной зоне вместо помещения находится стена). Двор является главной точкой четырехугольника – его

«небесным колодцем» [5]. Изначально разные функции не объединяются в одном здании, а распределяются вокруг двора или по двору. Дальше четырехугольники могут соединяться в простые или сложные структуры. К простым структурам относятся жилые усадьбы, таможни, администрации небольших поселений, почтовые станции, небольшие монастыри и храмы, другие внутригородские объекты малой или средней величины. К сложным структурам относятся поселки, императорские дворцовые комплексы и города. При их создании происходит многоярусное расширение структуры, но не меняется суть.

Очень часто, когда речь идет об оценке размеров исторической китайской постройки или исторического ансамбля, называются не длина, высота, ширина или площадь, а количество особых пространств – цзянь, которые в европейской литературе обычно переводятся как комнаты, залы или павильоны. Самые крупные исторические ансамбли насчитывают сотни и даже тысячи цзянь. В главном храме Конфуция в Цюйфу более 400 цзянь, в его родовом особняке – более 300, в буддийском храме Убежища духов под Ханчжоу тоже более 300, а в монастыре Шаолинь в городе Дэнфен – более пяти тысяч цзянь. Самым крупным внутригородским ансамблем является пекинский Гугун – Зимний (старый) императорский дворец в Пекине. В нем максимальное для мирских сооружений количество цзянь – около 10 тысяч, по разным точкам зрения 9999 или 9999,5 [6]. Казалось бы, такое обилие дворов, окруженных одно- или двухэтажными павильонами, соединенными между собой всевозможными галереями, должно создавать неудобные в использовании бесконечные лабиринты в многотысячных и многомиллионных древних и средневековых городах Китая. Однако такие города в большом количестве процветали на территории Китая на протяжении тысячелетий. Основой для их благополучного существования являлись симметричная прямоугольная сетка базовых, магистральных улиц, разделяющих кварталы дворовой застройки вначале на девять частей, а затем на более дробное членение внутри.

Итак, основным и главным первоэлементом китайского города является сыхэюань (четырёхугольник с двором). Городские и квартальные стены, улицы, а позже и площади играют вспомогательную роль защиты и связи. Сыхэюань изначально стал универсален, так как его центром было не здание с определенной главной функцией (жилой, культовой, производственной и т.д.), а пространство двора, т.е. пустота, которая вроде бы ничто. Но именно через это ничто шло главное наполнение, и оно могло формировать вокруг себя и в себе любые варианты и возможности. В результате, на первое место вышли «небесный колодец» двора и пятичастность как основной принцип его оформления, срединность главного элемента и девятичастность как идеал для более крупного плана, ось–подход к главной функциональной точке и осевая симметрия как основной каркас структуры. То есть польза, прочность и красота (очень важная, ключевая триада для западной архитектуры) остались важными, но не первыми.

Удивительно, но идеальные квадратные города Китая разных времен, идеальный принцип китайского четырехугольника, центром которого является главный пятый элемент – двор, и другие концепты теории идеального китайского города оказались намного живучее, чем европейские идеальные города. Далеко не всегда, особенно в горной местности, город мог быть квадратным или иметь строгую ориентацию по странам света. В этих случаях допускались разные модификации на уровне территории города и его районов, но уровень дворца, храма, школы, усадьбы или другого архитектурного комплекса обычно оставался правильным.

Видимо одновременно с четырехугольником возникла концепция осевой симметрии комплекса с определенными правилами расширения ансамбля. Китайская градостроительная ось отличается от европейской оси. Чаще всего европейская ось является физически наблюдаемой с перспективой в ее конце. Китайская ось изначально гипотетична, невидима. Она проходит через центр композиции любого ансамбля, который в реальном пространстве постоянно прерывается закрытыми входами во дворы или здания, а зачастую и специальными каменными или кирпичными ширмами перед входами (стены инби). Закрытые двери-входы во дворцах, крупных монастырях и других парадных ансамблях открывались полностью только в редких церемониальных случаях. Но при исполнении церемоний, далеко не всегда и далеко не всем можно было пройти через центральные ворота и увидеть перспективу главной оси, кроме того, существовало много правил, связанных с особенностями перехода через пороги, наклонов над каменными пандусами, церемониальных поклонов и пр. Реальные основные входы находились с боков, вдоль дополнительных осей, идущих с востока и запада от основной северо-южной оси. Главные городские оси имели продолжение и за пределами поселения. Согласно фэншюю, они должны были переходить в ключевые защитные точки ландшафта (горные хребты, стекающие с них реки и пр.) и быть связаны в целом с космогоническими структурами.

Почти всегда гипотетические пространственные оси сопровождала осевая симметрия. Понятие симметрии было очень важным. Сложившаяся система такой осевой симметрии использовалась на разных масштабных уровнях, при проектировании дома, храма, дворца и целого поселения. Эти правила были известны всем горожанам, они диктовали правила поведения и ориентации в пространстве восточного города. Традиции осевой симметрии зародились в глубокой древности и развивались со времен древнейших царств, а потом на всем протяжении китайской истории, от первой империи Цинь и до последней империи Цин. Подавляющее большинство исторических городов использовало симметрично-осевое построение ансамблей. А многие из них обладали и общегородской регулярной структурой по отношению к главной оси север-юг, не считая объектов внутригородской ландшафтной архитектуры, которые, имея нерегулярную внутреннюю структуру, вписывались в регулярную внешнюю квартальную сетку и подчинялись общим осевым закономерностям.

Вопросам развития и расширения всегда придавалось большое значение. Крупные объекты или общая застройка изначально создавались или при реконструкции увеличивались путем расширения (наращивания четырехугольников) от центрального двора правителя или от главного городского ядра – Запретного города. Исторически сложилось три способа расширения: вертикальное, горизонтальное и вертикально-горизонтальное [7].

Вертикальное расширение наиболее древнее, оно применялось со времен династии Шан-Инь (XVII – XI вв. до РХ), это техника с более чем трехтысячелетней историей. Его суть заключалась в том, что на продольную ось по отношению к входу в главный павильон нанизывались дворы с павильонами различной функции, величины и конфигурации. Чаще всего эта ось имела ориентацию север-юг, хотя в стесненных условиях допускалось некоторое отклонение, особенно в горной местности или в миллионных городах юго-восточной части страны. Порядок размещения функций, величина и оформление дворов были издавна регламентированы и соответствовали одновременно функциональным требованиям и социальной иерархии общества.

Горизонтальное расширение возникло позже, оно предполагало появление двух дополнительных осей – западной и восточной. С запада и востока от двора или дворов основной оси создавались дополнительные дворы с павильонами, также имеющие определенные параметры, как и в вертикальном расширении. Во время династии Тан (618 – 907 гг.) был расцвет в использовании этого метода проектирования. Но принципы продольного (вертикального) расширения стали все-таки ведущими на протяжении длительного времени.

Двухсторонний вертикально-горизонтальный метод предполагает, что происходит одновременное развитие по вертикали и горизонтали. Его стали использовать во времена последних династий Мин (1368-1644 гг.) и Цин (1644 – 1912 гг.) при строительстве наиболее крупных ансамблей. Наиболее яркими примерами этого типа являются пекинский и шэньянский императорские дворцовые комплексы (Гугуны). Отличительной особенностью техники расширения является создание, с одной стороны единого, закрытого от внешней среды, ансамбля из значительного количества подобных простейших четырехугольников, а с другой стороны – относительная функциональная, пространственная и стилистическая самостоятельность каждого такого четырехугольника.

Важную роль в местоположении и общей композиции центров крупных городов, так называемого Внутреннего и Запретного города, играло учение о середине. Этот постулат о срединности был настолько важен, что китайцы назвали свое государство Срединной империей. Основное самоназвание Китая и сегодня – Срединное государство. Исторически было и есть еще одно самоназвание – Поднебесная империя, а китайский император с давних времен (точнее, с 31 г.) официально имел титул «сын Неба».

Еще во времена Западного Чжоу (начало XI века – 771 до РХ) в различных трактатах, в том числе в самом знаменитом сегодня «Чжоули каогунци цзянжэнь инго» появилась концепция строго симметричного плана столицы, в геометрическом центре которой располагался дворцовый комплекс царя.

Срединность местоположения дворца объяснялась тем, что он как «сын Неба» имел одинаковую власть над всеми провинциями и превосходство над окружающими дикими народами. Считалось, что император должен жить в центре правильной квадратной формы, тогда он сможет быть одинаково нейтральным и независимым по всем направлениям. Кроме того, центральное местоположение облегчит управление страной. Считалось, что он не будет тратить лишнее время и благодаря своей неизменности и центральности справится со всеми задачами и достигнет долгих лет жизни. Таким образом, император как голова должен был жить в центре. Согласно конфуцианским идеям, его наследный принц должен размещаться выше (севернее) по главной оси, в непосредственной близости. Это поможет наследнику наблюдать правильную мораль и справедливое правление, а с другой стороны, такое местоположение позволит императору видеть, насколько честно принц ведет свои дела [8].

Срединность также обосновывалась иероглифом 井 (цзинь) – колодец и концепциями «небесного колодца» и «колодезного поля». Небесный колодец – императорский дворец (он же центр девятичастной квадратной композиции плана, активно использовавшийся в фэншуйе) получает для сына Неба сверху максимальную жизненную энергию ци. А построение города или пахотного поля в форме иероглифа цзинь, т.е. в форме квадрата, разделенного на девять частей, дает оптимальную форму для распределения энергии, а также хорошо способствует совершенно практическим целям – контролю над жителями, оценке урожая, оборота торговли и т.д. В трактате Люй периода Весны и Осени (Люйши чуньцю Шэньши) было написано, что в древности императоры выбрали место для страны в середине мира, место для дворца (столицы) – в середине страны, а место для храма предков – в середине дворца. Трактовка этого положения была такова: императоры выбрали центр мира, чтобы построить государство, выбрали центр страны, чтобы построить дворец, выбрали центр дворца, чтобы построить храм предков. При таком раскладе они умело управляли страной. В трактате «Чжоули каогунци ...» описание идеальной столицы царства Чжоу дано в следующем виде: «...Планировка ширины одной улицы такова, чтобы позволить ехать одновременно 9-ти подводам. Налево от дворца находится храм предков, направо – алтарь, перед дворцом – место коленопреклонения подданных, позади дворца – рынок...». Все ориентиры даны по отношению к дворцу, который играет роль базисной ячейки и располагается в центре [9].

В последующие эпохи в основном наследовались идеи осевой симметрии и срединности главных ансамблей. Но во многих городах стало заметно отклонение в расположении Запретного города от геометрического центра. Чаще всего наблюдалось смещение Запретного города от центра по главной оси на север (Чаньань) или на юг (Пекин), что было связано с концепцией церемонии подхода к главной точке города, а также рассмотрением ансамбля либо в контексте окружения, либо в контексте всего города, а не только Внутреннего города. Но всегда местоположение Запретного города обосновыва-

лось не только существующими природными условиями, но и определенными мировоззренческими концепциями.

Общая внутренняя композиция дворцовых комплексов также укладывалась в эти принципы. Начиная с эпохи Шан-Инь, императорские комплексы создавались по осевой схеме и расчленялись на две функциональные зоны, которые разделялись главным дворцом. В южной части проходили все внешние и официальные мероприятия, северная часть отдавалась под семейную жизнь императора. Со временем главная средняя часть превратилась в комплекс центральных дворцов, которые обычно выделялись более крупными павильонами-дворцами и более высокими платформами, подчеркивающими его значимость. Эти павильоны располагались по оси север – юг. Начиная с эпохи Воюющих царств, эти дворцы имели, как правило, три больших павильона, расположенных в горизонтальном расширении, то есть по оси запад – восток. Во время правления династии Суй (581 – 618 гг.), при реконструкции столичного города Чанъяня (тогда Дасина, ныне – Сианя), была возрождена более древняя система Западного Чжоу с точки зрения приоритета северо-южной оси для трех главных дворцов. Она получила название «три двора» и существовала вплоть до последнего дворцового комплекса Гугун в Пекине.

Начиная с периода Весны и Осени (771 – 445 гг. до РХ), в китайских городах начали вводить закрытую квартальную систему. Из соображений безопасности императорского дома, правителей провинций и других представителей правящего класса, укрупненные кварталы (фань) с улицами и переулками обносили высокими стенами с единственным входом, который закрывался вечером после ритуального барабанного боя со звоном колокола и открывался утром после колокольного перезвона. Многие внутренние улицы фанов также имели собственные ворота с помещением охранников рядом с ними, которые закрывались на ночь. Пространственно эти кварталы состояли из разноуровневой системы сыхюаней и имели два типа членения внутренних улочек – продольное и поперечное, каждое из которых обеспечивало правильную ориентацию основных помещений китайского четырехугольника по сторонам света. Сносить стены фанов начали в позднетанский период в X веке, более чем через полторы тысячи лет [10]. В это время не только столицы, но и многие другие крупные китайские города начали динамично развивать свои торговые, ярмарочные и транспортные функции, и, как следствие, не только расширяли городскую территорию, но и более интенсивно использовали внутреннее пространство города.

Резкое изменение физических параметров городской среды: рост или сжатие территории всегда требуют особого внимания. Исчезновение крупных античных империй привело к появлению в Европе специфических плотно застроенных небольших укрепленных средневековых городов. Рост городов в постсредневековой Европе привел к появлению концепции европейского идеального города. Неуправляемый рост промышленных городов на рубеже XIX – XX веков вызвал развитие в Европе (включая Россию) и Америке концепций города-сада, линейного и динамического городов, микрорайона и т.д.

Периодическое создание новых принципов развития города стало характерным для мирового градостроительства.

В силу особенностей исторического развития Китай давно столкнулся с проблемой как растущих, так и уменьшающихся городов. Начиная с первых мегапроектов китайских императоров (великая китайская стена, шелковый путь), в стране периодически происходили массовые переселения гражданского населения. Этому способствовали и другие причины: постоянные миграции столиц чжоусских княжеств, а следом императорского Китая; массовое освоение юго-востока страны в IV–VIII веках и создание двух новых государственных территориальных осей расселения («север–юг» по великому каналу и «запад–восток» по реке Янцзы).

Распространенные идеологические концепции определяли пути сжатия или роста территории. Сжатие происходило путем перемещения населения на территорию Внутреннего или Запретного города, что случалось при переходе города на более низкую иерархическую ступень. Развитие шло путем наращивания структуры в первую очередь в наиболее благоприятных направлениях, обычно это были южные, а затем восточные и западные направления. В северных направлениях в столичных и других крупных городах развивались зоны отдыха и некрополей. Более сложные комбинации стали появляться в минско-цинскую эпоху одновременно с усложнением и развитием фэншуй.

Плотность застройки китайского города, его жесткая прямоугольная планировка, диктовавшаяся системой иерархии и контроля в обществе, привела к тому, что уже на очень ранней стадии горожанину был необходим баланс для нормальной жизни в городской среде. Особая любовь китайцев к природе только усиливалась в таком большом регулярном и плотно застроенном городе. Компенсаторную функцию стала играть система дворов в жилой усадьбе, часть из которых превратилась в сад. При всем отличии конфуцианства и даосизма, они хорошо уживались друг с другом в традиционном жилище и компенсировали недостатки друг друга, соблюдая иерархию и ритуалы (застройка) с одной стороны и давая простор и отдых для индивидуума (сад) с другой стороны. Подчас сложно вычленишь чисто садовую часть из ансамбля сада-дома. Поэтому рассматривая ландшафтные компоненты, приходится периодически переходить к особенностям архитектуры. В народном жилище типа яодун, тулоу или кэцзя, то есть в жилище кланового типа, рассчитанного на большую семью, безусловно, превалирует дом [11]. Сад в этом случае подчас просто вынесен за пределы жилища и существует рядом, или вынесены отдельно элементы сада (озеро, рощи деревьев). В самом распространенном национальном типе (сыхэюань) дом и сад зачастую равновесны друг другу. В усадьбе ученого мужа или городском дворцовом комплексе сад не только равен дому, зачастую он становится более значимым, чем дом. В загородном дворцово-парковом ансамбле высшего сословия, разнообразные постройки находятся внутри обширного сада-парка, становясь своеобразными центрами внутренних садовых композиций. Этот парк выходит за пределы города и сливается с окружающим город ландшафтом.

И в завершение небольшое отступление об иероглифическом мышлении. Если посмотреть на китайское написание основного самоназвания Китая –

Срединное (оно же Центральное) государство, то первый иероглиф «середина-центр» кажется очень странным. Но только для нашего мышления, где центр по умолчанию, скорее всего, ляжет в точку равноудаленную от границ. Но если посмотреть на китайскую концепцию подхода к главному зданию-центру и концепцию пространственной оси, пронизывающую центр, то этот иероглиф становится точным графическим изображением центра-середины. На Востоке центр воспринимается не как точка, а как ось, которая может в пространстве быть и точкой и линией, в зависимости от необходимости. В пространстве города это главный путь, центральная улица, подводящая к главному ансамблю, затем зданию и потом проходящая через него к защитным силам. Второй иероглиф также очень контекстуален. Огороженное со всех сторон государство (как и город) имеет внутри строго регулярную структуру. Но из всего порядка всегда есть исключения, такие как китайский сад или другие возможности индивидуального «выплеска».

Библиографические ссылки

1. Крадин Н.П. Роль русских архитекторов-эмигрантов в архитектурном образовании в Китае первой половины XX в. // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2005. – №1. - С. 275-284.
2. Liang Ssu-ch'eng. A Pictorial History of Chinese Architecture. A study of the Development of Its Structural System and the Evolution of Its Types. Hongkong, 2001.
3. Иванова А.П., Завернюк Л.В. Архитектура и градостроительство Китая: историография проблемы. Сб. ст. межд. научно-практической конференции «Новые идеи нового века», Часть 1. Хабаровск, 2012. С. 74-83.
4. Шевченко М.Ю. Истоки формообразования пространственных стереотипов в архитектуре Китая эпохи Чжоу (XI-III вв. до н.э., среднее и нижнее течение реки Хуанхэ). Дисс. на соиск. уч. ст. кандидата арх-ры. М., МАрХИ, 2006.
5. Chung-Sheng Chao. Aspects of traditional Chinese houses and gardens: A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Sydney. Sydney, 1989.
6. Ninggu de Lishi Zhongguo Jianzhu Gushi. Zito, Tangmark, 2007 (История китайской архитектуры. На кит.яз.).
7. Хан Кён-Хо, Ли Ян. Исследование на основе объяснения и применения трактата «Чжоули-каоунцзы» в древней планировке столиц Кореи, Китая и Японии. Сб. ст. межд. научно-практической конференции «Новые идеи нового века», Часть 1. Хабаровск, 2011. С. 87-95.
8. Чэн Цзяньцзюнь. Фэншуй ин цзяньчжу (Фэншуй и архитектура. На кит.яз.). Цзянси, 1994.
9. Ninggu de Lishi Zhongguo Jianzhu Gushi. Beijing, 2006. (История китайской архитектуры. На кит.яз.).
10. Лучкова В. И. История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство : монография / В. И. Лучкова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – 442 с.: ил.
11. Alexey Kuzmin, Vera I. Luchkova. The courtyard housing in traditional architecture of China and other countries/ Proceedings of Inter-University Seminar on Asian Megacities – 2011. School of Architecture, Tsinghua University, Beijing, Sept. 3-5, 2011. P. 219-224.